

Том Кокс

Том Кокс

ПОД ЛАПОЙ

*исповедь
кошатника*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44
К59

Серия «Кошки, собаки и их хозяева»

Tom Cox

UNDER THE PAW

Перевод с английского *М. Стрепетовой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Johnson & Alcock Ltd. и Andrew Nurnberg.

Кокс, Том.

К59 Под лапой. Исповедь кошатника : [роман] /
Том Кокс ; [пер. с англ. М. Стрепетовой]. —
Москва : Издательство АСТ, 2016. — 288 с. —
(Кошки, собаки и их хозяева).

ISBN 978-5-17-097127-5

Обычная молодая семья, переехавшая из шумного Лондона в тихую деревушку в Норфолке?

Как бы не так: Том и Ди — весьма необычная семья. Ведь компанию им составляют не одна и не две, а целых семь кошек — семь шумных, избалованных и немислимо очаровательных усатых существ.

Вот уж действительно — круглые сутки пух и перья летят, в основном с «трофейных» птичек, конечно. И трудно представить, на какие еще проделки способна «великолепная семерка» пушистых разбойников, возглавляемая хитрым Медведем и обаятельным Джанетом.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44

© Том Сох, 2008

© Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-097127-5

*Посвящается моей любящей жене Ди
и коту Фламу, с которым
я познакомился в Интернете*

С неизбежностью пребывая среди распущенной и безнравственной богемы, в этом коте ты обретешь пример достойного поведения, который, без сомнения, послужит противоядием от отравленной чаши соблазнов*.

П. Г. Вудхаус. История Уэбстера

Ну не рвет ли когти кот, когда его опасность ждет?

*Айзек Хейз, музыкальная тема
из фильма «Шафт»*

---

* Перевод И. Гуровой.

ХРОНИКА МОИХ КОШЕК

Киса (1971–1975)

Феликс (1972–1989)

Табс (1986–1987)

Монти, он же Щеголь (1987–1998)

Дейзи, она же Слинк (1991–2007)

Медведь (с 1995)

Джанет (с 1997)

Брюер (2001–2002)

Ральф, в девичестве Пруденс (с 2001)

Шипли (с 2001)

Пабло (с 2005)

Бутси (с 2005)

ПРОЛОГ

Для начала парочка фактов: меня зовут Том, я обожаю кошек, и примерно тридцать три года назад одна из них погибла по моей вине — в этом я практически не сомневаюсь.

Всем известен стереотипный образ сумасшедшей кошатницы. В «Симпсонах» этому второстепенному персонажу даже не требовалось имя — ее и так сразу запомнили. У сумасшедшей кошатницы нет детей, вся ее жизнь — это кошки, в доме грязь, да и за собой она не следит.

По правде говоря, несправедливо, что существует такой стереотип, когда противоположный образ — сумасшедший собачник — еще не прижился. Получается, что лучший друг человека помогает хозяину с достоинством провести пожилые годы, тогда как лучший друг старой, неприятно пахнущей кошатницы сопровождает ее в походах в супермаркет, где та покупает лишь солодовый хлеб, несколько сеток для волос, упаковку нарезанной ветчины и двадцать четыре баночки корма «Феликс». О сумасшедших кошатниках говорят гораздо реже, но

я готов заявить, что такой тип существует — и помешан он на кошках не меньше, чем его единомышленницы женского пола.

Конечно, я не *совсем* уж сумасшедший. Да, в доме наверняка будет пахнуть, если пару дней не пылесосить и не заглядывать под диван, но здоровью это ничем не грозит. И еще я как-то повязал галстук одному из моих котов, пока тот спал, однако за исключением того случая — никакой кошачьей одежды, и «моими пушистыми детками» я их точно не называю. Правда, котов у меня целых шесть, и каждый из них, с точки зрения ухода, все равно что миниатюрная копия Мэрайи Кэри. Пока вы это прочитаете, в мой дом наверняка забредет еще один самодовольный комок шерсти, решит, что тут здорово, и уляжется на один из кошачьих гамаков, которые я специально повесил у батареи. Может, я даже сумею не обращать внимания на отвратительный чавкающий звук, с которым он вылизывает свой зад. С таким я уже сталкивался и столкнусь еще не раз.

Вот рассказываю вам об этом и будто нарушаю некий запрет. Почему многие мужчины с недоверием относятся к кошкам и почему многие люди с подозрением смотрят на мужчин, которым кошки нравятся? Неужели думают, что любители котиков изобретают коварный пушистый план по свержению человеческого рода?

Признаться другу традиционной ориентации в том, что ты, гетеросексуал, любишь

кошек, — все равно что рассказать ему о своей коллекции плюшевых мишек или похвалить его «миленький» вязаный жилет. Однако статистика явно противоречит сложившемуся образу изгоя общества, который приписывают мужчинам-кошатникам: по данным на 2008 год, в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии проживает около 9 миллионов кошек, а во всем мире их, наверное, больше миллиарда; глупо считать, что только женщины балуют своих кошек и чешут их под подбородком.

Так каков он, кошатник? Доктор Зло из «Остина Пауэрса»? Пенсионер в кальсонах, у которого в еде кошачья шерсть, а диван пропах мочой? Или владелец букинистического магазина, похожий на трансвестита? А может (р-р-р, ш-ш-ш!) — *метросексуал*? Допустим, так, но среди кошатников есть и великие американские писатели (Марк Твен), и борцы с демонами (Энтони Хэд, главная звезда сериала «Баффи — истребительница вампиров»), и математики (Исаак Ньютон), и мировые лидеры (Уинстон Черчилль). Повесьте на нас ярлык, и мы, с безразличием наших четвероногих союзников, стряхнем с себя стереотипы и продолжим жить по-своему. Кто-то скрывает от мира свою любовь к кошкам, кто-то воспринимает все с излишней серьезностью, но есть среди нас и обычные ребята, которые не думают, что их мужественность подрывает желание

проводить время с самым популярным в мире домашним животным.

Кстати говоря, у многих есть своя, как это назвал бы психоаналитик, «кошачья история», и чтобы проследить мою, надо начать с начала — и я имею в виду с *самого* начала.

Когда я задаюсь вопросом: «Как так вышло, что мою жизнь всецело поглотили кошки?», то обычно вспоминаю два определяющих события. Одно из них произошло во мраке деревенского сада в 1998 году и на тот момент казалось по-своему важным, другое — в еще более мрачном месте в начале 1995 года, когда слово «определяющий», как и все остальные, вовсе не имело значения. Видеть сквозь околоплодную жидкость и слой кожи ребенку не дано, поэтому с Кисой, первой кошкой в моей жизни, лично я так и не познакомился. По словам родителей, она была эдакой помесью кругляша Пакмана и гремлины: Киса поднимала клубы пыли и сметала все на своем пути, после чего забиралась под карниз, где, тихо пофыркивая, планировала следующую атаку. «Она бы запросто оттяпала тебе руку», — громкогласо объяснял отец. Долгие годы я и не думал сомневаться в правдивости этой истории и правильности решения родителей усыпить Кису, когда мама была на пятом месяце беременности.

В детстве «Легенда о Кисе» была неотъемлемой частью истории семьи Кокс — наряду с рассказами о том, как я чуть не умер от разрыва аппендикса и как отец за десять фунтов купил малышку «моррис-майнор».

Совсем недавно я увидел фотографии, на которых запечатлена маленькая, песочного цвета кошечка, не имеющая на вид ничего общего с постоянно звучащими в нашем доме историями о разодранных до крови руках и запуганных почтальонах. И кстати, а как же Феликс, еще одна мурлыка с не самым оригинальным именем, которая жила у родителей в 1970-х? Согласно нашему кошачьему семейному древу, Феликс, нежное существо с добрым характером и мягчайшей шерсткой, родилась в 1972 году. Как же эта безобидная зверушка не просто продержалась два года при суровом господстве Кисы, но и родила котят? Разве та не сожрала бы их и не выплюнула бы переваренную массу под ноги молочнику?

Мама рассказывает, что Киса всегда отличалась невероятной подлостью, но, после того как ее сбила машина — родители нашли Кису с переломанными задними лапами недалеко от дома, — она превратилась в порождение ада. И хотя Киса вновь встала на лапы, до конца она не оправилась и от боли еще больше озлобилась. Правда, в конечном счете именно мое предстоящее рождение стало причиной того,

что следующая поездка Кисы к ветеринару оказалась последней.

«Ты поступил бы так же, если бы ждал своего первенца», — повторяет мама. Трудно поверить, но вряд ли я узнаю точно — в ближайшее время беременеть не собираюсь.

Как знать, может, из-за смерти Кисы я всю жизнь и чувствую потребность окружать себя кошками; пусть пачкают диван, командуют мной — я буду их баловать. Вполне вероятно, что будь Киса жива после моего рождения, то сейчас бы у меня осталось на один глаз меньше, а эти строки я писал бы, поглаживая добермана-пинчера. В любом случае, когда все детство тебя тяготит мысль о том, что ты стал причиной смерти животного, это наверняка повлияет на твое будущее — хочешь ты того или нет.

Имя и инициалы у меня тоже подходящие: в первый же день учебы в школе одноклассник стал напевать песенку из мультлика «Топ Кэт» («А друзья называют его Т.К.!»)*, так что моя судьба, считай, была определена.

Есть и другая теория, объясняющая мою любовь к кошкам, — я всегда любил трудности. А еще, когда живешь у черта на куличках и до

---

* Инициалы автора (Tom Cox — Т.С.) совпадают с первыми буквами названия упомянутого мультфильма и одноименного персонажа (Top Cat). Кроме того, коты (самцов) называют «tom». — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч.пер.*

дома ближайшего одноклассника километров пятнадцать, приходится довольствоваться любой компанией, пусть даже твои приятели способны лишь с негодованием мяукнуть в ответ, высокомерно задрав подбородок.

Мы жили в трехкомнатной половине дома на двух хозяев, в сельской местности на северо-востоке Центральных графств, и в 1978 году мой типичный летний день проходил примерно так: я, трехлетний мальчишка, жевал землю в саду, пытался подружиться с коровами Гордона Уитчелла или испытывал на Феликс гомеопатический массаж, хотя и не знал тогда, что это такое. Феликс, которая была для мамы как ребенок, наверняка вздохнула с облегчением, когда Киса внезапно отправилась «в дом пушистых престарелых», но передышка была недолгой. Не надо быть ученым-зоологом, чтобы понять, почему на многих фотографиях из моего раннего детства у Феликс такой встревоженный вид — как только вы заметите, что на снимках за ней везде тянется пара тоненьких ручонков, все станет ясно.

Вскоре после четвертого лета моей жизни на этой планете Феликс решила, что довольно с нее прятаться под диванами и играть роль мячика для снятия стресса, и ушла жить к нашей соседке, милой старушке Фло, которой, как утверждал отец, только что исполнилось 134 года. Феликс прожила у Фло три года, а потом бабуля умерла, и ее дом купил запойный врач